

Н. Н. КошкарловаЮжно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8861-0353 **Е. М. Яковлева**Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** nkoshka@rambler.ru; yakovlevakatherine@mail.ru.

Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу коммуникативных практик цифровой реальности, функционирующих в рамках дискурса новой эмоциональности. Дается определение дискурса новой эмоциональности как объекта лингвистического изучения. Обосновывается необходимость рассмотрения жанрово-стилистических и лингвопрагматических особенностей дискурса новой эмоциональности в функциональном аспекте. Одной из функций дискурса эмоциональности является открытое выражение чувств и эмоций в языке. На сегодняшнем этапе развития русского языка в ядерную зону языкового сознания носителей языка вышли термины, которые в большей степени, нежели прежде, описывают наши эмоции: «токсичные отношения», «обесценивание», «травма», «фрустрация», «выгорание», «прокрастинация», «депрессия», «сплин». Субъектом дискурса новой эмоциональности выступает жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т. д. Основными коммуникативными практиками дискурса новой эмоциональности являются отфренживание и рассоединение, обида и уязвимость. Обиженный и уязвимый человек ищет «эмоциональное убежище», которым в работе признаются жанры виртуальной реальности. При этом цифровая мода формирует жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности виртуальной интеракции. Делается вывод о том, что выражение собственных эмоций и чувств достойно уважения, но главным при этом является не позволить эмоциям властвовать над разумом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс эмоциональности; коммуникативные практики; цифровая реальность; речевые жанры; эмоциональные состояния; обиды; уязвимость.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Яковлева Екатерина Михайловна, студент, бакалавриат, направление «Международные отношения», кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: yakovlevakatherine@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н. Н. Кошкарлова, Е. М. Яковлева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 147-152. — DOI 10.26170/pl19-05-15.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап общественного развития можно охарактеризовать как эпоху агрессии и эмоциональности: человек стал более открыто выражать свои эмоции и чувства не только в бытовом, но и институциональном общении. В некоторых случаях эти эмоции, чувства и языковые средства их репрезентации имеют своей целью дискредитировать носителя другой системы ценностей и убеждений. В таком случае лингвисты оперируют термином *язык вражды*. М. Н. Черкасова отмечает, что базовыми аксиологическими компонентами медиатекста «являются понятия хорошо / плохо, свой / чужой, друг / враг» [Черкасова 2010: 252]. Как следствие, проис-

ходит формирование новой аксиосферы, где доминируют ценности, смещающие границы личного и публичного в медиапространстве; в дело вступают новые аксиомы речевого поведения; формируется новый тип дискурса, который получил название *дискурс новой чувствительности*.

Однако мы полагаем, что термин *чувствительность* скорее принадлежит к предметной области психологии и философии, в лингвистическом же плане корректнее оперировать понятием *эмоциональности*. Так, в психологии чувствительность трактуется как «способность к элементарной форме психического отражения — ощущению; ...способность живого организма „воспринимать“ аде-

кватные и неадекватные раздражения» [Большой психологический словарь <http>]. В философском плане чувствительность определяется как «склонность к трогательным ощущениям и представлениям, склонность сопровождать каждое переживание избытком чувств» [Философский энциклопедический словарь <http>].

В языке репрезентируются эмоции, семантико-прагматической категорией экспликации которых выступает модальность. На уровне оценочных высказываний, суждений и лексических единиц, которые являются материалом настоящего исследования, реализуется аксиологическая модальность. Т. В. Романова отмечает, что эмоциональная и аксиологическая интерпретация действительности, «являясь самостоятельными величинами, не только неразрывно связаны, но и взаимно детерминируют друг друга, причем доминантная роль эмоции и оценки в реальной коммуникации меняется» [Романова 2008: 110].

НОВАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В современном мире человек ищет новые способы и пути выражения своих чувств и эмоций. В настоящее время мы являемся свидетелями формирования новой эмоциональной культуры. В этой связи, на наш взгляд, правомерно говорить о дискурсе новой эмоциональности, который мы определяем как модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида, а целью коммуникативных практик является формирование агрессивной и чувствительной информационной среды.

Жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности дискурса новой эмоциональности необходимо рассматривать в функциональном аспекте, когда выделяемые традиционно функции языка трансформируются и модифицируются в связи с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами. А. К. Киклевич рассматривает функции языка в двух аспектах: экспликативном и процедурном [Киклевич 2009]. По мнению автора, экспликативный аспект подразумевает отражение и моделирование в языковых знаках и формах речевой деятельности элементов внешнего мира, психической и социальной жизни людей. Процедурный аспект «касается его употребления как средства реализации действий, организации человеческой деятельности» [Киклевич 2009: 6].

В результате А. К. Киклевич выделяет двенадцать функций языка: номинативную, магическую, индексальную (презентатив-

ную), экспрессивную, социативную (символическую), прагматическую, стилистическую, этологическую (эвристическую), когнитивную, креативную, статусную и интерлингвистическую (инициативную). Как видно, данная классификация значительно расширяет и дополняет традиционное лингвистическое понимание функций языка. В предложенной классификации основной акцент сделан на бытовании языка в определенной социальной общности, когда учитывается «функционирование языковых знаков как средств реализации действий, например магических или политических» [Киклевич 2009: 13].

По нашему глубокому убеждению, к числу таких действий можно отнести выражение эмоций и чувств в языке, которое в последнее время стало все более открытым и публичным. Эмоции и чувства на современном этапе развития языка и общества стали предметом не только психотерапевтического, но и лингвистического анализа и описания. Так, в ядерную зону языкового сознания носителей русского языка вышли термины, которые в большей степени, нежели прежде, описывают наши эмоции, переживания и чувства: *токсичные отношения, обесценивание, травма, фрустрация, выгорание, прокрастинация, депрессия, сплин*. Приведем примеры использования указанных номинаций.

Сегодня токсичными отношениями называют любое взаимодействие между людьми (супругами, друзьями, знакомыми, коллегами по работе), приносящее эмоциональную боль и полное истощение ресурсов одной из сторон [Депрессия и усталость... <http>].

„Поэтому легкая безответственность, когда человек понимает, что основной объем сделан и можно что-то отложить на завтра и откладывает — это гарантия здоровья“. К выгоранию в равной степени ведет обесценивание собственной деятельности. Например, многие сотрудники НКО выгорают, потому что не успевают помочь тем, кто обратился к ним за помощью [Дарья Рощеня. Горел, горел работой и... сгорел! 2017].

Недавнее открытие швейцарских ученых о том, что психологическая травма может передаваться генетически, вызвало новую волну дискуссий на эту тему [Психологическая травма... <http>].

К фрустрации могут приводить как внешние, так и внутрилличностные противоречия, то есть фрустрировать можно как из-за невозможности получить заветную главную роль в театральной постановке, так и из-за того, что не удастся быть чутким и открытым с собственными

детьми [Что такое фрустрация... http].

*Персонала мало. У всех **выгорание**, у всех депривация, все в ужасе. А ведь многие вещи можно было бы решить гораздо рациональнее, если подходить к этому с точки зрения экономики. Детей с инвалидностью, которые живут в интернате, в 18 лет переводят в дом престарелых — на дожитие* [А. А. Данилова, Валерия Потапова. Александра Бабкина: «Я вижу, как фонды разбивают голову о государство». 2016].

В общем, бытовом значении этого слова под „прокрастинацией“ понимают постоянное стремление человека откладывать все на потом: дела (как рабочие, так и бытовые), принятие решений и т. д. [Прокрастинация... http].

Многие используют слово „депрессия“ для того, чтобы описать плохое настроение, печаль или просто, чтобы сказать, что они не в духе [Депрессия ... http].

*И если с хронической депрессией можно успешно бороться только с помощью врачей, то временный **сплин**, грусть, усталость — вполне решаемые проблемы* [Депрессия или сплин? http].

Как видно из приведенных контекстов, в большинстве случаев субъектом дискурса новой эмоциональности является жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т. д. В результате люди, испытывающие схожие эмоции, объединяются в социальные или политические группы. Средства массовой информации при этом очень чутко реагируют на настроения подобных объединений и умело пользуются механизмами языка для привлечения и удержания внимания. Главная роль в процессе объединения людей в рамках дискурса новой эмоциональности с лингвистической точки зрения принадлежит интригующим заголовкам новости, когда они нацелены на то, чтобы привлечь внимание и заинтересовать читателя своей эмоциональностью и даже агрессивностью. Например: *Соловьев обвинил Гребенщикова в деградации. <...> Российские звезды, которые ненавидят друг друга. <...> Лобода раскрыла детали скандала с дочерью Алсу.*

Эмоциональным, оценочным и агрессивным становится общение в социальных сетях как средствах не только частного, но и социально-политического публичного взаимодействия [Плисецкая 2014: 91]. А. Д. Плисецкая выделяет две тенденции развития текстов популярной сети «Facebook»: с одной стороны, навешивание ярлыков, речевую агрессию, навязываемую пресуппози-

цию, с другой — иронию, метафоры, языковую игру и большое количество неологизмов. В настоящее время роль социальных сетей изменилась: Интернет становится катализатором социальных и общественно-политических конфликтов. Интернет сделал пространство СМИ, откуда люди получали информацию, и пространство коммуникации, где люди общались, интегрированными. В итоге конфликт становится частью социального взаимодействия, резонансные политические события на просторах Интернета обсуждают все — от профессионалов и экспертов до обывателя и того, кто находится перед компьютером на диване у себя дома.

Г. Асмолов указывает на следующие последствия проникновения конфликта в социальные сети:

- все наше общение так или иначе оккупировано конфликтом;
- люди превращаются в механизм распространения информации о конфликте, а не только потребляют ее;
- происходит персонализация конфликта через наших знакомых, которые пишут о нем;
- разрушаются социальные связи между людьми, которые были друзьями (в «Фейсбуке» этот феномен называют френдоцидом);
- Интернет конструируется в сознании людей как поле конфликта;
- нахождение в Сети превращается в постоянную стрессовую ситуацию (у пользователей Интернета развивается перманентное травматическое стрессовое расстройство — по аналогии с посттравматическим синдромом);
- часть людей попросту удаляется из «Фейсбука», пытаясь изолировать себя от конфликта (*digital escape* — термин, обозначающий такое поведение) [Асмолов http].

Таким образом, одной из активно развивающихся коммуникативных практик цифровой реальности последнего времени стало отфренживание — то есть важным социальным процессом является не завязывание связей, а их рассоединение. Э. Дюркгейм называл такое положение, «когда в известных пунктах общества нет коллективных сил, т. е. организованных групп, которые бы направляли общественную жизнь», аномией [Дюркгейм 1994: 202]. Сегодня такое положение становится нормой и приемлемой коммуникативной практикой.

Отфренживание и рассоединение социальных связей как коммуникативная практика дискурса новой эмоциональности делают обиду повсеместной, выставляют личные переживания напоказ, дают повод для права быть оскорбленным. А. Зорин отмечает, что «правовой охране подлежат именно переживания, причем не той или иной отдельной

личности, а именно группы, определяемой общей идентичностью» [Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленным [http](http://)]. Получается, что пользователь социальных сетей обижается не потому, что оскорбили или обидели именно его, а таким правом его как бы наделяет группа, к которой он принадлежит реально или виртуально. Групповая или социальная идентичность модифицирует сущностные характеристики обиды и превращает ее в коммуникативную практику, функционирующую в рамках дискурса новой эмоциональности. Обида становится ритуалом, если трактовать его как «закрепление, наделение символическими культурообразующими смыслами и повторение определенной коммуникативной ситуации в максимально идентичных исходных условиях и параметрах» [Афанасьева 2015: 182].

Обида как коммуникативная практика дискурса новой эмоциональности актуализирует еще одно чувство — уязвимость, которая раньше была связана с состраданием, а теперь с чувством несправедливо нанесенного оскорбления лично тебе или (чаще всего) какой-то социальной группе. Уязвимыми становятся отношения мужчины и женщины — порой сложно отличить флирт от харасмента. Если чувства индивида не вписываются в установленные и принятые социумом эмоциональные каноны, то он начинает искать «эмоциональное убежище», где индивиды «могут дать выход официально не санкционированным чувствам» [Зорин 2016: 11]. Таким эмоциональным убежищем становятся новые жанры цифровой реальности.

О. В. Лутовинова описывает следующие жанры виртуального дискурса: флейм, виртуальный роман, сетевой флирт, флуд, спам, послание и креатифф [Лутовинова 2012]. Безусловно, какие-то из указанных жанров до сих пор остаются актуальными, какие-то заменяются новыми жанровыми образованиями, но единым жанрообразующим признаком для интернет-жанров является интенция к самопрезентации, выражению своих чувств, идентификации круга «своих» и «чужих». В этом случае мы становимся свидетелями ситуации, когда цифровая мода формирует жанрово-стилистические и лингвопрагматические особенности виртуальной интеракции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, описание дискурса новой эмоциональности необходимо проводить в функциональном аспекте, когда главным становится выражение чувств и эмоций индивида. Наиболее ярко эта функция проявляется на лексическом уровне, когда

ядерную зону языкового сознания носителей русского языка составляют термины, которые описывают эмоции, переживания и чувства. Основными коммуникативными практиками дискурса новой эмоциональности являются оффренживание и рассоединение, обида и уязвимость. Выражение собственных чувств и эмоций достойно уважения, но главное — не позволять при этом эмоциям властвовать над разумом. Ведь иногда то, что представлялось важным и эмоционально значимым сегодня, завтра уже не является фактом, заслуживающим внимания и переживания.

ИСТОЧНИКИ

1. Депрессия или сплин? Как бороться с осенней хандрой [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20161017/1479246640.html> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Депрессия и усталость: что такое токсичные отношения? [Электронный ресурс] URL: <https://monocler.ru/chto-takoe-toksichnyie-otnosheniya/> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Депрессия на протяжении жизни [Электронный ресурс]. URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/mental_health/LifeSituations/Pages/default.aspx (дата обращения: 01.10.2019).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Прокрастинация: что это и как от нее избавиться [Электронный ресурс]. URL: <https://experimental-psychic.ru/prokrastinaciya/> (дата обращения: 01.10.2019).
6. Психологическая травма: как она передается из поколения в поколение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/individuality/psihologicheskaya-travma-kak-ona-peredaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/> (дата обращения: 01.10.2019).
7. Что такое фрустрация, или Почему в условиях тирании революция маловероятна [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15210-chto-takoe-frustratsiya-ili-pochemu-v-usloviyakh-tiranii-revoljutsiya-maloveroyatna> (дата обращения: 01.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

8. Асмолов Григорий: В эпоху интернета теряется понятие границ поля боя [Электронный ресурс]. URL: https://ms.detector.media/mediaprosvita/master_clas/grigoriy_asmolov_v_epokhu_interneta_teryaetsya_ponyatie_granits_polya_boya/ (дата обращения: 02.10.2019).
9. Афанасьева О. Н. Среда и ее конструирование в ритуализованных коммуникативных практиках // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 177—186.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. — М.: Мысль, 1994. 399 с.
11. Зорин А. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVII — начала XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
12. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 5—13.
13. Лутовинова О. В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 170—173.
14. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/23.php (дата обращения: 06.10.2019).
15. Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ishem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (дата обращения: 23.09.2019).
16. Плисецкая А. Д. О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в интернете. — М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 83—92.
17. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность:

моногр. — Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.

18. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rubicon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (дата обращения:

06.10.2019).

19. Черкасова М. Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 250—257.

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

E. M. Yakovleva

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nkoshka@rambler.ru; yakovlevakatherine@mail.ru.

Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality

ABSTRACT. *The article explores the communicative practices functioning in the framework of discourse of new emotionality. The definition of this type of interaction is given from the linguistic point of view. The article justifies the necessity to study the genre, stylistic, linguistic and pragmatic peculiarities of discourse of new emotionality from the functional point of view. Open expression of feelings and emotions in the language is one of the functions of discourse of new emotionality. At the modern stage of the Russian language development, the core of linguistic consciousness of language speakers is formed by the words which describe emotions and feelings: toxic relations, devaluation, trauma, frustration, burn-out, procrastination, depression, spleen. The subject of discourse of new emotionality is usually a victim: the person suffers from exhausting relations with family or friends, underestimates their own activity, and worries about problems at home and at work. The main communicative practices of discourse of new emotionality are: unfriending and unfollowing, offence and vulnerability. The offended and vulnerable person looks for an “emotional refuge”, which, according to the authors, may be found in the genres of virtual reality. And the digital fashion forms the genre, stylistic, and linguo-pragmatic peculiarities of virtual interaction. The authors make a conclusion that the expression of one’s feelings deserves respect but the person should not let the emotions control the mind.*

KEYWORDS: *discourse of emotionality; emotionality; communicative practices; digital reality; speech genres; emotional states; offence; vulnerability.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Koshkarova Natal’ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South-Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yakovleva Ekaterina Mikhaylovna, Student (bachelor) of the Program “International Relations”, Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Koshkarova, N. N. Discourse of new emotionality: Communicative practices of digital reality / N. N. Koshkarova, E. M. Yakovleva // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 147-152. — DOI 10.26170/pl19-05-15.*

MATERIALS

1. Depression or Spleen? How to Deal with Autumn Blues [Electronic resource]. [Depressiya ili splin? Kak borot'sya s osenney khandroy]. URL: <https://ria.ru/20161017/1479246640.html> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

2. Depression and Fatigue: What is a Toxic Relationship? [Electronic resource] [Depressiya i ustalost': chto takoe toksichnyye otnosheniya?] URL: <https://monocler.ru/chto-takoe-toksichnyie-otnosheniya/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

3. Depression Throughout Life [Electronic resource]. [Depressiya na protyazhenii zhizni]. URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/mental_health/LifeSituations/Pages/default.aspx (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

4. National Corps of the Russian Language [Electronic resource]. [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

5. Procrastination: What is it and How to Get Rid of It [Electronic resource]. [Prokrastinatsiya: chto eto i kak ot nee izbavit'sya]. URL: <https://experimental-psyche.ru/prokrastinatsiya/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

6. Psychological Trauma: How it is Transmitted from Generation to Generation [Electronic resource]. [Psikhologicheskaya travma: kak ona predaetsya iz pokoleniya v pokolenie]. URL: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/individuality/psihologicheskaya-travma-kak-ona-predaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

7. What is Frustration, or Why in a Tyranny a Revolution is Unlikely [Electronic resource]. [Chto takoe frustratsiya, ili Pochemu v usloviyakh tiranii revolyutsiya maloveroyatna]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/15210-chto-takoe-frustratsiya-ili-pochemu-v-usloviyakh-tiranii-revolutsiya-maloveroyatna> (date of access: 01.10.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

8. Asmolv Gregory: In the Era of the Internet, the Concept of the Borders of the Battlefield is Lost [Electronic resource]. [Asmolv Grigoriy: V epokhu interneta teryaetsya ponyatie granits polya boya]. URL: https://ms.detector.media/mediaprosvita/master_clas/grigoriy_asmolv_v_epokhu_interneta_teryaetsya_ponyatie_granits_polya_boya/ (date of access: 02.10.2019). — (In Rus.)

9. Afanas'eva O. N. Environment and its Construction in Ritualized Communicative Practices // Ecology of Language and Communicative Practice. 2015. No. 2. P. 177—186. [Sreda i ee konstruirovaniye v ritualizovannykh kommunikativnykh praktikakh // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 177—186]. — (In Rus.)

10. Dyrkgeym E. Suicide: A Sociological Study. — Moscow: Thought, 1994. 399 p. [Samoubiystvo: sotsiologicheskii etyud. — M.: Mysl', 1994. 399 s.]. — (In Rus.)

11. Zorin A. The Appearance of the Hero: from the History of Russian Emotional Culture of the Late XVII — early XIX Centu-

ries. — Moscow : New Literary Review, 2016. 556 p. [Poyavlenie geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVII — nachala XIX veka. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 568 s.]. — (In Rus.)

12. Kiklevich A. K. Twelve Functions of the Language // World of the Russian Word. 2009. No. 3. P. 5—13. [Dvenadtsat' funktsiy yazyka // Mir russkogo slova. 2009. № 3. S. 5—13]. — (In Rus.)

13. Lutovinova O. V. Genre Speech Activity of a Linguistic Personality in Virtual Discourse // 21st Century Initiatives. 2012. No. 3. P. 170—173. [Zhanrovaya rechevaya deyatel'nost' yazykovoy lichnosti v virtual'nom diskurse // Initsiativy XXI veka. 2012. № 3. S. 170—173]. — (In Rus.)

14. Meshcheryakov B., Zinchenko V. The Big Psychological Dictionary [Electronic resource]. [Bol'shoy psikhologicheskii slovar']. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/23.php (date of access: 06.10.2019). — (In Rus.)

15. We are Persistently Looking for an Opportunity to be Offended [Electronic resource]. [My nastoychivo ishchem sluchaya byt' oskorblennym]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ishchem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (date of access: 23.09.2019).

16. Plisetskaya A. D. On Linguistic and Rhetorical Strategies for Expressing Assessment among Users of the Facebook Social Network // Modern Russian Language on the Internet. — Mos-

cow : Languages of Slavic Culture, 2014. P. 83—92. [O yazykovykh i ritoricheskikh strategiyakh vyrazheniya otsenki u pol'zovateley sotsial'noy seti Feysbuk // Sovremennyy russkiy yazyk v internete. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. S. 83—92]. — (In Rus.)

17. Romanova T. V. Modality. Rating. Emotionality : monograph. — N. Novgorod : NGLU named after N.A. Dobrolyubov, 2008. 309 p. [Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost' : monogr. — N. Novgorod : NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008. 309 s.]. — (In Rus.)

18. Philosophical Encyclopedic Dictionary [Electronic resource]. [Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar']. URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (date of access: 06.10.2019).

19. Cherkasova M. N. Media Events and Media Image from the Point of View of Media Linguistics and Media Criticism (by the Example of Hostile Language) // Scientific Bulletin. Ser.: Humanities. 2010. No. 18 (89). Vol. 7. P. 250—257. [Mediasobytiye i mediaobraz s tochki zreniya medialingvistiki i mediakritiki (na primere yazyka vrazhdy) // Nauchnye vedomosti. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 18 (89). Vyp. 7. S. 250—257]. — (In Rus.)